

Оттепельная проза уфимского писателя Р. Г. Назирова

Борис Орехов (НИУ ВШЭ, ИРЛИ РАН)

A dark blue diagonal graphic element that starts from the bottom left corner and extends towards the top right corner, covering the lower half of the slide.

Кто такой Р. Г. Назиров

Литературовед Писатель Журналист

1934—2004

Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе.
Сравнительная история фабул (докторская
диссертация)

Творческие принципы Ф. М. Достоевского
(монография)

Роман о Пушкине «Конец александровой эры»
(?), «Звезда и совесть» — посмертные
публикации, повести и рассказы в журналах
«Бельские просторы», «Назировский архив»
(2013—2019)

Избранные газетные рецензии (Уфа, 2011)

Художественная проза (1950-е— начало 1960-х)

Общие замечания

Объём рукописей, содержащих художественные опыты, и характер тщательной работы над ними, не оставляют сомнения в том, что писательские амбиции составляли большую часть внутреннего мира Р. Г. Назирова.

Большинство рукописей не датировано и тексты не имеют издательской истории, известно только о нескольких опубликованных в газетах рассказах, в архиве датированы всего две машинописи.

Оттепельные шаблоны

По сравнению с тем, как свежо и новаторски смотрятся на современном им фоне научные опыты Назирова в 1970-х годах и позднее, его малая проза более традиционна: рассказ «На красном сукне» (обманутый обманщик): прямолинейно понятая председателем комсомитета Петей Лавровым советская мораль становится причиной сначала угрозы с его стороны для положительного студента Николаева, а затем — отказа в доверии самому Лаврову. Это совершенно типический оттепельный сюжет: ср. «Карнавальная ночь» (1956, роль Серафима Огурцова), «Дайте жалобную книгу» (1964, роль Николая Ивановича, директора Управления торговли).

Нешаблонный язык

Исходным моментом литературного творчества Р. Г. Назиров считал стиль в языковом смысле:

«Язык — это всё. В первой <повести> хороший язык, и он всё делает Сам», единственной допустимой творческой задачей — «оригинальное, яркое, незатёртое слово».

«взволнованно бурлит радиоприемник» («Как делают стихи»);

«По всему видно было, что это солидный и положительный мужчина. Он спал *строго*» («Старик. Железнодорожное происшествие»);

«Коридор был освещен тусклой и *унылой* лампочкой» («Человек без особых примет»);

«Виктор Гринин ожидал Лиду, сидя на скамье около какого-то скучного учреждения с длинными *сложносокращённым* названием» («Дождь»¹⁴)

Язык прозы Оттепели

В прозе Оттепели такого рода парадоксальные определения, хотя и дозировано, но встречаются. Например, в рассказе «Сломанный мост» Е. Гуляковского о повреждённом грузовике говорится: «Лежал он как-то прочно, уютно и совсем не страшно».

Знамя. 1962. № 2. С. 47

Рецепция

Неизвестно, как бы отнёсся к такому стилю гипотетический читатель-современник, если бы тексты Р. Г. Назирова в своё время были широко опубликованы, однако в нашем распоряжении есть документ, оставленный читателем реальным. В архиве хранится машинопись рассказа «Старик. Железнодорожное происшествие»¹⁶, датированная 16 октября 1956 года. Машинопись изобилует карандашными правками и имеет внутриредакционный номер: «№ 1109. 10/XI-56. Стр. 1—9», свидетельствующий, что текст проходил рецензирование. Редактору явно не нравились стилистические изыски молодого автора. Например, волнистой линией подчёркнуто приведённое выше предложение «Он спал строго», а на поля вынесен знак вопроса.

Рецепция

К тексту приложена рецензия с финальным вердиктом: «К печати рассказ не пригоден» за подписью В. Александрова. Такой вывод сделан в числе прочего из того, что «люди очерчены бегло и весьма условно. Все они не имеют ни социального, ни профессионального лица, ни даже имен», а «все ключи к пониманию происшедшей драмы — характер Васи <главной причины произошедших печальных событий> и его интересы, нравы и уклад жизни в семье, обстоятельства, которые толкнули юношу на путь преступления — оказались утерянными автором»

Рецепция

Симптоматично, что через семь лет после отказа Назирову в напечатании рассказа «Старик» в «Юности» (1963, №10) выйдет во многом сюжетно близкий ему рассказ Альберта Лиханова «Чужая тень». Главный герой здесь — тоже «старик», Георгий Васильевич Скопин пятидесяти двух лет. Повествователь наблюдает его в больнице как соседа по палате. У Назирова старик и рассказчик также вынужденно оказываются вместе в замкнутом пространстве купе поезда, осложнённом дополнительно мотивом дороги. Пошедший, было, на поправку Скопин умирает после вызывающего визита пьяного сына, очевидно равнодушного к судьбе отца.

Ресурс повседневности

Автора в качестве событийной подосновы нарратива интересует прежде всего ресурс повседневности, зачастую правильно прочитываемый только с учётом корректного восприятия условных сигналов, ориентирующих в культурном пространстве и системе его базовых символических представлений. Например, эпизод, характеризующий лицемерного студента Алексея Сокальского, будет позиционирован ошибочно в случае утраты специфической для советского общества семиотической и ценностно-нормативной информации о статусе «домработницы», а вернее, человека, которому она прислуживает.

«Домработница»

— Марья Петровна, — сказал он хозяйке, — я ухожу, вернусь часов в семь. Будьте добры, приготовьте мне ванну.

— Хорошо, Алёшенька.

— И купите бутылку хорошего вина, полагаюсь на ваш вкус, вот деньги.

— Куплю, Алёшенька» («Блестящий студент»).

В контексте западного общества этот диалог вряд ли смотрелся бы так вызывающе.

Сюжетные модели

Трудно говорить о «прототипическом сюжете» малой прозы Р. Г. Назирова, но ясно, что некоторые схемы привлекали особенное его внимание. Среди таких можно упомянуть несчастную любовь, которая сначала заставляет героя пасть духом, а затем благодаря изменению взгляда на проблему приводит к оптимистическому финалу («Два лица города», «Разговор под звёздами»). При этом в назировских текстах находят себе место и сложившиеся отношения мужчины и женщины («Язва», «Дождь»), и ситуация неопределённости («Решимость»). Но кажется, что не случившийся союз напоминает о себе чаще («Ванька и пряник», «Всегда моя»).

Иерархия добродетелей

Герои Р. Г. Назирова — это типичные персонажи прозы и кинематографии Оттепели: прямые и открытые молодые люди, сильные и инициативные, умеющие ценить дружбу. При этом искренность не является неременной для них положительной чертой: когда, безусловно, положительному Славе в «Решимости» задают прямой вопрос, не продал ли он свой фотоаппарат, тот пытается обмануть знакомого, говоря, что не продавал «Зоркий», что, как мы понимаем по дорогому подарку на день рождения возлюбленной, неправда.

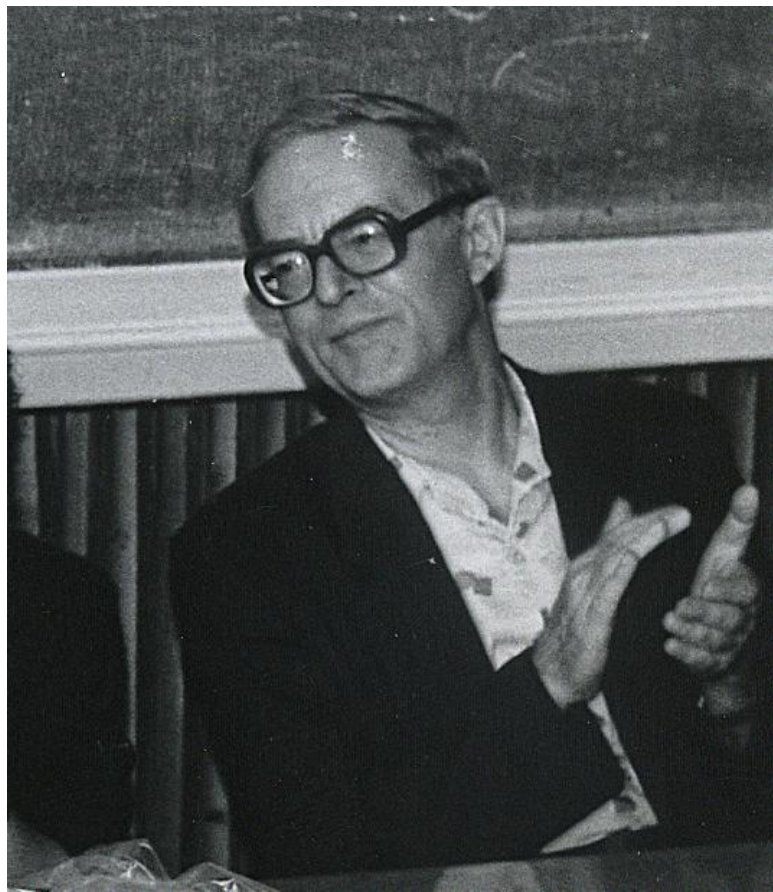
Социальная характеристика героев

Занятость на производстве («Сорок рублей», «Решимость»), в университете («На красном сукне», цикл «В одном институте») или в сельском хозяйстве («Грубая ошибка», «Экзамены в университет») не только общая черта всех героев, подчёркивающая их социальность и интегрированность в коллектив, но и знак эпохи. Естественно, что герои Назирова не чужды и традиционной советской романтике (флотская романтика): «Саша благодарно подмигнул отцу, набросил кожаную куртку на плечи, так чтобы видна была тельняшка, и пошёл со двора» («Экзамены в университет»).

Маргиналии

Образы — примитивы. Грубое упрощение.

Следствия несоразмерно велики в сравнении с породившими их причинами. Неоправданные повороты, вывихи, скачки. Это результат мальчишеской склонности к мелодраме, бутафорским громам и нарочитым контрастам (вообще контрасты — основа искусства, но нужны контрасты по существу, а не внешние контрасты). Как говорит Мамонт-Дальский в романе А. Толстого, “Щенки НЕ МОГУТ без эффектов.

Спасибо за внимание!